

И. В. Даниленко

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ В РОМАНЕ ЯННИКА АНЕЛЯ «ЯН КАРСКИЙ»

Ян Карский – «человек, пытавшийся остановить Холокост в одиночку» – стал первым польским курьером, добравшимся до руководства союзников и рассказавшим о том, что он видел. Чудом избежав расстрела в Катыни и смерти от пыток в гестапо, Карский стал первым свидетелем-очевидцем Холокоста. Но, к сожалению, героические усилия Яна Карского не увенчались спасением евреев, более того, даже не получили значительной огласки. Несмотря на то, что Карский первым принес союзникам весть о массовом уничтожении евреев нацистами, долгое время он оставался неизвестным. Лишенный возможности вернуться на родину и продолжить карьеру дипломата, он выбрал университетское преподавание. Послевоенный раздел Европы поставил окончательную точку в судьбе многих малых народов. Холокост, трагедия варшавского гетто, нацистские лагеря превратились в постыдное табу на несколько послевоенных десятилетий.

Однако с крушением тоталитарных систем и обосновывавших их мата-дискурсов произошла своеобразная «перезагрузка» событий и фактов, очевидных для современного читателя.

Мир вспомнил о Яне Карском в октябре 1981 года, когда в Вашингтоне открылась Международная конференция освободителей узников нацистских концлагерей, организованная Американским мемориальным советом по Холокосту. Его выступление стало тогда сенсацией. «Когда закончилась война, – сказал он, – я узнал, что ни правительствам, ни политическим лидерам, ни ученым, ни писателям ничего не было известно о судьбе евреев. Все они были удивлены. Убийство шести миллионов евреев прошло для них незамеченным... В тот день я стал евреем». В июне 1982 иерусалимский институт Яд Вашем присвоил Яну Карскому звание Праведника мира, в 1985 французская публика увидела фильм «Шоа», а в 2004 вышло исправленное французское издание книги Карского, знакомящее с историей польского сопротивления. А в 2009 году ее автор стал героем сразу двух романов, один из которых является предметом моего исследования.

Действие романа «Ян Карский» Янника Анеля (Yannick Haenel. *Jan Karsky*) разворачивается в нескольких местах и в разное время. Начинается оно в Нью-Йорке в 1978 году, куда приезжает французский документалист Клод Ланцман, снимающий на кинолентку рассказы свидетелей Холокоста для своей документальной киноленты.

Первая часть описывает историю Карского так, как это было представлено в фильме «Шоа» Клода Ланцмана (Claude Lanzmann, *Shoah*), вышедшем в 1985 году. Текст этой части книги создается на пересечении двух типов дискурса: собственно литературного и кинематографического. Рассказ Яна Карского об исторических событиях как будто встроены в монтажные кадры, представляющие крупным планом резкие черты лица главного героя, его реакции на тяжелые воспоминания, эмоциональное

напряжение, связанное с переживанием прошлого. Здесь же следуют и комментарии автора, связанные с его собственным восприятием личности Яна Карского, обстоятельствами беседы Ланцмана и его гостя.

Из первой части читатель узнает о миссии, которую довелось выполнять Яну Карскому. Молодой польский дипломат становится курьером польского правительства в изгнании, дислоцированного в Лондоне. В оккупированной Варшаве к нему обращаются еврейские активисты с мольбой о помощи еврейскому народу, которому в Европе (в частности, в Польше) угрожает полное уничтожение. Они просят Карского передать их послание польскому правительству, союзникам, лидерам еврейских общин всего мира. И чтобы его послание выглядело более убедительным, они предлагают Яну Карскому посетить варшавское гетто, что он делает дважды, покидая тот ад, который ему довелось увидеть, глубоко потрясенным.

Вторая часть суммирует на 80 страницах личные свидетельства «Истории подпольного государства» Яна Карского (Jan Karsky. *The story of secret state*), опубликованные им в 1944 году в США и переведенные на французский язык в 1948 году. Читатель узнает о том, как Карский с огромными трудностями, не раз избежав гибели, пересекает Европу и встречается в Лондоне с главой польского правительства генералом, Владиславом Сикорским, министром иностранных дел Великобритании, Энтони Иденом, затем отправляется в США, где в 1943 году встречается с президентом Рузвельтом, чтобы донести до мировых лидеров ужасающую правду из Польши. Эта часть представляет собой вполне традиционный биографический нарратив тем более, что автор постоянно ссылается на книгу самого Карского, заимствуя из нее многочисленные цитаты, пользуясь аллюзиями и отсылками к ней.

Самой дискуссионной является третья часть, которая представляет собой вымышленные послевоенные размышления, приписываемые автором романа Яну Карскому, о том, почему союзники допустили истребление евреев Европы. И дело тут не столько в произвольном заполнении белых пятен истории, сколько в особом языке, на котором говорит Янник Анель. И если официальная послевоенная историография в условиях холодной войны всячески пыталась избегать болезненных тем в целях сохранения мира на европейском континенте, то снятие напряженности в международных отношениях в 1980-х годах позволило открыть дискуссию по поводу обстоятельств Холокоста.

Распад всеобщей концепции истории и неприятие единого исторического нарратива естественным образом наводит на мысль о том, что наряду с официальной историей существует личный опыт рядовых участников исторических событий, который также вправе претендовать на свое место в историографии. Цель каждой независимой интерпретации истории заключается отнюдь не в постижении окончательной истины, а в приближении к ней, в создании многоликого и несистематичного контекста истории. В этом смысле и историк, и писатель получают равные права на участие в интерпретационном процессе, обеспечивая тем самым децентрализацию истории.

В своем романе «Ян Карский» Янник Анель попытался средствами художественной литературы вызвать дискуссию, которая в историографии выглядела бы неуместной. Таким образом, вымысел, против которого опол-

чился после публикации романа Клод Ланцман, способствовал раскрытию правды истории и, в конечном итоге, приближению к истине. Французский литературовед А. Компаньон обращает внимание на то, что художественная литература рубежа XX–XXI вв. заняла то «пространство, которое оказалось неосвоенным историографией» [2, с. 64], а именно – преступления европейской цивилизации XX в. в связи с их нравственной оценкой. А. Компаньон справедливо сравнивает роль, которую довелось сыграть произведениям, подобным роману «Ян Карский», с той, которая обычно отводится «двойным агентам», отмечая при этом, что «двойные агенты по определению предатели, но мы должны быть им благодарны, потому что они спасают нас от многочисленных бедствий» [2, р. 70].

Тот факт, что литераторы рубежа XX–XXI вв. активно осваивают территорию историографии и делают это не менее успешно, чем сами историки, выполняя запросы общества по сохранению исторической памяти и культуры западной цивилизации, в очередной раз выдвигает в поле научного и историософского обсуждения вопросы границ истории и литературы, документального и художественного, ответственности историка и писателя.